

18+

אֲזַיְתָא מֵאֲדָמָה

מַדּוּ 41-גּו

ВИКТОР УЛИН

Виктор Улин

Ахилат мацот. Май 41-го

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710458

ISBN 9785006057746

Аннотация

Когда смоленский портной Мордух Вадровник решил отметить Песах в кругу семьи, возник вопрос о том, каким образом приготовить мацу. Решить проблему помог русский слесарь Иван. Между этими двумя людьми даже завязалась дружба. Жизнь могла стать прекрасной, если бы за финальной точкой повести не таилось будущее, губительное для всех.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ахилат мацот Май 41-го Виктор Улин

*Памяти
Михаила Петровича Наумова*

Виктор Улин *Дизайнер обложки*

© Виктор Улин, 2024

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0060-5774-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«И совершали сыны Израилевы, находившиеся там,
пасху в то время и праздник опресноков в течение
семи дней.»*

(2 Пар. 35:17)

I

– Нет, Осипа не за водкой! Только за смертью его посылать! – горячился Володька, расставляя закуски по устланному газетами верстаку.

– Счас придет... – возразил рассудительный Кузьмич.

Аккуратно свернув «» из газетного края, он сидел на колченогом табурете и задумчиво курил. Вонючий махорочный дым нехотя уползал в форточку. *козью ножку*

Весь какой-то раздерганный, Володька прыгал вокруг стола. Закуски набралось много. Шпроты в продолговатой банке, накромсанная большими кусками ливерная колбаса, покрытая ржавчиной селедка; очищенный и разложенный головками прошлогодний чеснок... И, конечно, кучка размякших соленых огурцов.

В самом деле, жид не поскупился.

Кузьмич отметил, что ко всему этому неплохо бы еще молодой лук с длинными зелеными перьями... Да только шиш его отыщешь в конце апреля.

Но где же запропастился чертов Осип?

– Нет, ты подумай! – продолжал Володька. – Я ж ему свой чайник дал. Ты скажи, Кузьмич, скажи – плохой у меня чайник?

– Хороший, – подтвердил тот, выпуская сизую струю.

– Ну я и говорю! Настоящий «», сам паял... Ну, там

правда, носик криво смотрит, и дно пришлось нарастить... Но в него одного пива четыре кружки влазит. А ты подумай – сколько водки, а? *колхозник*

– Знамо дело, – Кузьмич устал и от ожидания и от Володькиной суетни; ему хотелось скорее выпить, чтобы улететь куда-нибудь из этой убогой мастерской.

– И что он – бутылку не может точно отмерить?

Кузьмич не ответил.

– Кал-луга, – презрительно процедил Володька, вмещая в это слово все свое отношение к ушедшему товарищу.

Мастер, которого ждали, был действительно выходцем из Калужской губернии и в Смоленск на заработки приехал недавно. Руки он имел просто золотые; с ним не мог сравниться никто из прочих слесарей, включая самого мастера Фрола Петровича. Без всякой паники, лишь хорошенько подумав, он мог оживить любую технику – от угольного утюга до старинных часов с башенками и кукушкой. Однако Володька – босяк с заячьей губой, истинный люмпен, любитель погулять за чужой счет, ютившийся в подвальной каморке на окраине города – по-всячески третировал его деревенское происхождение. И вообще двадцатилетний новичок служил в мастерской на побегушках, чему попустительствовал мастер. Не говоря уж про усатого и ленивого, словно старая рыба, Кузьмича. Парня гоняли то за кончившимся табаком, то за каким-нибудь нужным краником на барахолку. Ясное дело, что за водкой послали тоже именно его.

Ходить за «» с четырехлитровым чайником стало в последнее время привычным делом. Уже давно исчезла из магазинов нормальная водка в пол-литровых бутылках с сургучной головкой. Теперь сорокаградусная продавалась лишь в четвертях, то есть емкостями в четверть ведра, или два с половиной литра. Что в пересчете составляло пять привычных доз. Ясное дело, простому рабочему человеку купить сразу столько было нелегко. *белой*

Поэтому за водкой отправлялись со своей тарой. Сговаривались у магазина, кому сколько нужно. Скинувшись, покупали эту самую «». Одну на всех. *четверть*

А потом, спрятавшись в проходном дворе: делить монопольную водку на мелкие порции считалось серьезным преступлением – быстро разливали согласно внесенным паям и разбежались кто куда. Для такой операции большой чайник оказывался просто-таки незаменимой вещью.

Но Осип задерживался.

– Может, его мильтоны замели, а? – не успокаивался Володька.

– Да утомонись ты, едрит твою в корень, – огрызнулся наконец Кузьмич. – Видеть не могу, как ты мельтешишь. Ровно маятник в сломанных часах.

Обиженный Володька затих.

– Возьми вон гармошку, да сыграй, что ли.

Босяк выудил из-за железного шкафа тальянку и, лихорадочно растягивая меха, запел. Пока еще натужно от трезво-

сти:

В этот момент раздался долгожданный звук.

Условный стук в дверь мастерской, на которой висела аккуратная табличка «». *ЗАКРЫТО*

Это могли быть только свои.

То есть Осип с водкой.

* * *

Слесарь Иван Осипов – прозванный товарищами по фамилии, упорно игнорирующими имя – вошел в мастерскую и аккуратно поставил на верстак чайник с водкой.

– И где тебя черти носят?! – накинулся Володька, бросив свою раздрипанную гармошку. – Мы уж тут...

– Ты лучше посмотри, сколько я водки принес, – миролюбиво ответил Иван.

И, прицелившись, бросил свой картуз на один из вбитых в стену гвоздей.

Кузьмич отлепился от табурета, подошел к верстаку, поднял чайник – и едва не уронил от неожиданной тяжести.

Недоверчиво снял крышку, заглянул внутрь, и забурчал:

– Осип! Ты что – воды нам решил принести полный чайник?

– Скажешь тоже – «», – довольно усмехнулся Иван. – Ты понюхай – цельная водка. *воды*

– Водка? – болтаясь, как клоун на шарнирах, подскочил Володька, вырвал чайник у Кузьмича и тоже еле удержал.

Иван довольно улыбался.

Не раздумывая, Володька схватил со стола не очень чистый граненый стакан, набулькал до краев и выпил махом, не переводя дух.

– Кузь... мич, – пробормотал он, выхватил грязными пальцами щепотку шпрот из банки. – Ведь не врет Осип, ей-крест – водка.

– Откуда столько? У тебя ж на один бутыльянец и было... А тут...

– Четверть, – подтвердил Иван. – Цельная четверть, до капельки.

И, не дожидаясь расспросов, коротко рассказал историю. В которой начало было обыденным, но конец превосходил ожидания:

– Пришел я к магазину, как всегда... Три человека нас набралось. Двум по две бутылки и мне одну. Как раз на четверть. Деньги сложили, белую взяли и в подворотню...

– И... разлили? – встрял Володька.

– Знамо дело. Сначала всю в чайник хлобыстнули. Энти мужики обрадовались, легко из носика по бутылкам лить. И...

– Ну – и??!!

– И откуда ни возьмись – мильтоны. Арханделы небесные. И сразу с двух сторон. Засвистели, затопотали – жуть.

Товарищи молчали.

– Те двое дальше во дворы брызнули. А я – в подъезд. Там черный ход выходил. Забежал на пятый этаж и притаился...

Постоял так, слушаю – тихо. Спустился потихоньку – все чисто, никого нет. И энтих, что со мной – тоже.

– И ты с четвертью сюда побежал, – подытожил Кузьмич.

– Нет – я что, мазурик какой? Я покричал их, еще подождал маненько. Они обое как скрозь землю провалились. Или может, их поймали да в часть отвели... Ну вот, а я так с четвертью и остался.

– Молодец, – Кузьмич кивнул.

– Зачем ждал? – вдруг возмутился Володька. – Надо было сразу бежать. А то вдруг бы они хватились!

Иван промолчал.

Володька снова взял стакан и выпил с прежней жадностью.

– Погоди ты хлестать-то! – осуждающе нахмурился Кузьмич. – Давай за стол по-людски сядем, дербалызнем спокойно.

– И по-людски дербалызнем, – возразил веселый, уже совершенно пьяный Володька. – Тут и на так хватит, и на этак.

Но от третьего стакана воздержался – ждал, пока нальет себе Кузьмич, после ушедшего мастера считавшийся за старшего.

Однако пьяные руки его не могли оставаться без дела.

И он схватил с грязного подоконника предмет, изготовлением которого мастерская заработала на пирушку.

Впрочем, вещь эту сделал Иван. Кузьмич, с виду рассудительный, но уже вконец отупевший от лени, только наблю-

дал, воняя махоркой. А никчемному брандахлысту Володьке Иван вообще не позволял к ней притрагиваться.

Потому что изготовленное устройство было сложным и тонким. Не какой-нибудь примус или керосинка.

По заказу Мордки – жида-портного, жившего где-то неподалеку – Иван изготовил машинку для прокатки мацы. То есть особого еврейского хлеба, который они пекут по своим праздникам. Весь смысл которого заключается в том, чтобы лепешки получались тонкими, как бумага. И не поднимались в печи. Чтобы достичь этого, на них нужно было сделать много маленьких дырочек, которые при нагреве выпускали воздух, не давая тесту разбухать и лопаться.

Придя с заказом, портной Мордка сказал, что когда-то видел подобное приспособление в синагоге – то ли в Бердичеве, то ли в Витебске. Однако, не имея технической сметки, ничего конкретного пояснить не смог; только махал руками да повторял, что листы теста должны быть сплошь продырявлены.

Иван понял суть и, не имея понятия о существующих образцах, сконструировал свою машину. Вероятно, повторяющую ту, о которой говорил бестолковый Мордка. На специально выточенный латунный валик слесарь нанизал тщательно подобранные часовые колесики с мелкими зубьями, перемежая их одинаковыми по толщине шайбами. С концов валика затянул всю конструкцию гайками. Получился плотный зубчатый пакет. Стоило прокатить его по тесту – и следом

шли ровные ряды аккуратных одинаковых дырочек. Стремясь довести изделие до совершенства в удобстве использования, Иван приделал к машинке ручку, как у валика для фотопечати.

Еврей заплатил очень щедро и даже вперед, поскольку машинку требовалось изготовить быстро: где-то на днях у них начинался праздник, к которому следовало печь эту самую мацу.

Сейчас драгоценная вещь лежала на подоконнике в ожидании заказчика.

И вот ее-то, оплатившую этот пир, вдруг схватил придурочный Володька.

– Кузьмич, дай-ка мне ключ на двенадцать! – заорал он.

– Зачем тебе? – спросил Кузьмич, сидевший рядом с инструментальным ящиком.

– Гайку подтянуть Слабо завернута.

– Эй, ты! – обеспокоенно закричал Иван. – Положи аппарат на место и не трогай там ничего! Очень хорошо – тоже нехорошо. Все завернуто, как надо. И...

Он кинулся к Володьке, но не успел. Кузьмич с несвойственной для него быстротой подал ключ. Володька пьяно налег на закрученную гайку. В тишине раздался страшный звук – это треснул несущий валик...

– Ты... – только и сумелдохнуть Иван, выхватывая из рук дурака сломанное изделие.

Взглянув, он понял, что дело хуже, нежели подумалось

в первый момент.

Обломился не конец с резьбой: перекрученный Володькой, валик лопнул почти посередине. Тщательно подобранные шайбы и колесики с веселым звоном поскакали на пол. На ручке болтались обломанные концы стержня. Косо блеснул свежий излом. Казалось, разорванный металл можно сложить, и все срастется заново. Но Иван знал, что это лишь казалось. Валик сломался безнадежно, нельзя было даже просто укоротить его, нарезав новую резьбу.

– Остолоп! – чуть не плача кричал мастер. – Дубина сторосовая! Олух царя небесного! Кто тебя просил хватать!

– А что! – нисколько не смущаясь, хорохорился Володька. – Я только подтянуть хотел. Ты сам дурак – гнилой металл взял! И что я теперь?

– «» – передразнил Иван. – Счас жид за изделием придет – что я ему скажу? *Что я теперь*

– Тоже мне, жида Мордку испугался! Скажешь ему, дескать, сломалась твоя машинка для религиозных культов. И ступай ты подальше, трокцист жидовская морда, пока мы куда следует не сообщили! Катись колбаской по малой Спасской! К такой-то матери на легком катере...

Володька, не угомоняясь, продолжал выкрикивать подобную чушь. Кузьмич принялся молча разливать водку по стаканам.

Иван стоял неподвижно, все еще сжимая в кулаке сломанную машинку.

* * *

– Ай-я-я-я-я-я-я-яй... – стонал убитый горем портной.

Бородатый, худой и сутулый еврей лет сорока, он незаметно вошел в открытую Ивану и брошенную пьяным Володькой дверь.

И стоял теперь посреди мастерской, горестно раскачиваясь из стороны в сторону.

– Не получилась сегодня твоя машинка, Мордка... – виновато бормотал Иван, опасаясь глядеть ему в глаза. – Материал негодный вышел...

Остальные молчали.

Кузьмич, уже принявший стакан оплаченной евреем водки, равнодушно курил, пуская дым из-под Буденновских усов. А виновник всего, паскудный бездельник Володька отвернулся к окну, делая вид, что занят важным делом.

– Но как так, Иосиф? – причитал портной, прижимая бледные руки к груди. – Как же так... Азохенвей, ведь ты обещал-таки сделать сегодня, и я заплатил вам вперед...

– Ну вот так... – угрюмо краснея, отвечал Иван.

Он не собирался говорить правду о Володьке, в один миг словавшем машинку. Ему было стыдно самому, и он даже не заметил, что еврей почему-то называет его Иосифом:

– Поломка случилась... И на старуху бывает проруха. А насчет денег ты не беспокойся, Мордка. Я тебе завтра эту машинку сделаю. Еще лучше. Зав-тра, слышишь?

– Завтра?! – еврей отпрянул в ужасе, как от удара. –

Но мне нужно сегодня. Се-год-ня, понимаешь?

– Да не смогу я сегодня! – в отчаянии выкрикнул Иван. – Ну как тебе объяснить! Я же валик из латунного шестигранника сделал, чтоб он у тебя от воды ржой сразу не покрылся! А счас Фрол Петрович ушел и цех запер. Сегодня ж воскресенье – он на полчаса с утра и забегал, чтоб посмотреть, чем мы тут заняты! И ключ унес – понимаешь? А мне станок нужен, чтоб тебе заново валик выточить, понял?

– Но Иосиф, Иосиф... – продолжал портной, не слыша его. – Ты же сам еврей!

– Какой я тебе еврей...

– ...Сам еврей, и должен-таки понимать! Мне нужно сегодня! Прямо сейчас! Я же обещал... И Шифра уже тесто собирается ставить! Впервые тут решила сделать кошерную мацу, и такое ай-я-яй... Тесто перекистет. Сейчас надо, а не завтра. Ну придумай что-нибудь, я тебя прошу-таки! И я заплачу тебе еще!

– Никак сегодня, Мордка, – Иван тихо покачал головой. – Так вышло.

– Но... Но у меня же Песах! Пе-сах! – повторил портной так, будто кто-то мог понять важность этого слова.

– «», – грубо передразнил Кузьмич. – Ты по-человечески говорить можешь? *Песах-посох*

– Песах – это наша пасха, – покорно объяснил еврей.

– Пасха?! Какая у тебя может быть пасха, если вы, нехристи, нашего Христа распяли?! Это у нас пасха через неделю,

и ты нас в грех не вводи своими жидовскими кознями!

Портной горестно вздохнул. Он прекрасно понимал бессмысленность – тем более сейчас – объяснять пьяным гоям, что Христос тоже был евреем. И христианская пасха всегда бывает примерно в одно время с иудейской, поскольку Иисуса распяли в пятницу праздника. И что даже он, не сильно интересующийся религией, знает, что первые пять частей Ветхого Завета – основы христианской Библии – даже у гоев именуется «», поскольку являются ни чем иным, как иудейской Торой... Он молчал, зная, что начни спорить – и эти люди бросят привычное с детства обвинение, будто евреи добавляют в мацу кровь христианских младенцев... *Mouss-evым Пятикнижием*

– Пасха, скажешь тоже...

Взяв стакан, Кузьмич налил из чайника водки.

– Вот у нас в деревне бывала пасха... – мечтательно продолжал он, выпив и хрустя огурцом. – Как с соседними мужиками дрались... Тебе и не снилось, жидовская твоя харя! С вилами да с косами. Года не случалось, чтобы кого-нибудь до смерти не убили! Во как! Это тебе пасха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.